

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

АЛЬБЕРТ ЛОРД И ЕГО ЭПОСОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ

О. П. Ингл

Альберт Бейтс Лорд (1912–1991) был славистом и специалистом в области сравнительного литературоведения, учился, а потом преподавал в Гарвардском университете (1934–1983). В 30-е годы Милмэн Пэрри (1902–1935), выдающийся американский филолог, фольклорист, и его ученик Альберт Лорд отправились в Югославию, где «устный эпос» «был живым, популярным и доступным для записи». А. Лорд отмечает: «Для сравнительного исследования в равной мере подошла бы и русская устная традиция или традиции Средней Азии, но они в то время были не столь доступны для американского ученого» [Лорд 1994: 10]. М. Пэрри известен как создатель «устной» теории, которая теперь называется теорией Пэрри-Лорда, он умер молодым из-за несчастного случая, Альберт Лорд завершил работу своего учителя. В 1950-е годы Лорд вновь посетил Восточную Европу и продолжил исследования в русле научной традиции М. Пэрри, результатом чего явилась книга «The Singer of Tales» [Lord 2000], впервые опубликованная в 1960 году. Ее перевод на русский язык под названием «Сказитель» [Лорд 1994] — первый и единственный, насколько нам известно, перевод трудов ученого. К изданию на английском языке 2000 года «The Singer of Tales» прилагаются CD и видеозаписи полевых работ Пэрри и Лорда. «До собрания Пэрри не существовало ни одного крупного корпуса фонографических записей песен, доступных для исследования» [Лорд 1994: 302]. Исследование открывается словами «Эта книга — о Гомере. Он — наш Сказитель. Однако в более широком смысле он олицетворяет собой всех сказителей с незапамятных бесписьменных времен до наших дней» [Лорд 1994: 10]. В послесловии к русскому переводу книги «Сказитель» Б. Н. Путилов приводит слова М. Пэрри, который был «воодушевлен стремлением увидеть, «как певец составляет слова и фразы, а затем стихи, но также — как он группирует целые отрывки и темы... как песня живет и

переходит от одного человека к другому, от одного поколения к другому, переходит через поля и горы, и даже через все языковые границы, а также увидеть еще большее — как устная поэзия живет и умирает» [Лорд 1994: 326, 340]. Лорд исследовал сербские, греко-византийские поэмы, старофранцузские и англо-шотландские баллады. Результаты его исследований, вызвавшие поначалу много споров и разногласий, теперь стали общепризнанной классикой эпосоведения, с которой можно не соглашаться, но нельзя ее не учитывать. Теория Пэрри-Лорда стала фундаментом для многочисленных исследований не только славянской, но и мировой, устной и письменной эпической поэзии.

Лорд был известен своим спокойствием, скромностью и щедростью. Работы его написаны простым литературным языком, с использованием научных терминов лишь по необходимости. Словами его жены, также филолога, Мэри Луиз Лорд, определены особенности исследовательского подхода и научного стиля эпосоведа: «Альберт Лорд твердо верил в литературную критику, полностью основанную на тексте. Он недоверчиво относился к теориям и анализам, которые парят высоко в стратосфере, никогда не спускаясь на землю собственных слов поэта. Он также скептически относился к мудреной, многословной и излишне сложной критической терминологии. Чем яснее определение, тем лучше» [Lord 1995: XI].

Главный труд А. Лорда «Сказитель» посвящен детальному анализу эпических формул и тем. «Вкратце устная эпическая песня — это жанр повествовательной поэзии, создаваемой способом, выработанным поколениями сказителей, не умевших писать. Этот способ заключается в сложении метрических стихов и полустихий посредством формул и формульных выражений и построением песен с помощью тем» [Лорд 1994: 14]. Лорд активизирует определение «формулы», данное Пэрри, как «группы слов, регулярно используемой в одних и тех

же метрических условиях для выражения данной основной мысли» [Лорд 1994: 42].

Ученый прослеживает процесс становления рапсода: молодой сказитель сначала слушает опытных мастеров, усваивает чужие формулы, которыми учится передавать основные моменты повествования: сюжеты, герои, страны, обычаи, поэтические темы; потом с годами вырабатывает собственные формулы — «поэтическую грамматику устного эпоса» [Лорд 1994: 80]. Он не «заучивает» формулы.

Изучавшие и изучающие иностранный язык сразу поймут, что именно Лорд подразумевает под формулой. Изучая новый язык, мы не заучиваем его, а запоминаем выражения, по Лорду — формулы, и учимся использовать их. Если мы учим английский по Шекспиру — это одни формулы, а по газетным новостям — другие.

По мнению исследователя, талантливый ученик, растущий в условиях живой устной традиции, в зрелом возрасте (по Лорду, лучшие сказители уже немолоды) способен создавать песни, равные по величине и величию гомеровским.

Пэрри и Лорду посчастливилось встретить мусульманского сербоязычного певца Авдо Меджедовича из города Биело Поле в Черногории, у которого они записали версию эпической песни «Свадьба Смаилагича Мехо» (свыше 12 000 строк). Лорд назвал Авдо «вполне может быть, последним действительно великим эпическим певцом Славянских Балкан» [Slavic Folklore. A Symposium 1956: 122]. Авдо умер в 1955 г. в возрасте 85 лет.

Анализируя эпические формулы, Лорд приходит к выводу о том, что они получают символичность и многозначность «благодаря специальной и своеобразной функции устного эпоса, который, прежде чем стать героическим, был магическим и ритуальным» [Лорд 1994: 82]. «Прежде чем стать «артистом», поэт был чародеем и провидцем» [Лорд 1994: 83]. Лорд показывает, как при помощи формул излагаются темы, которые в эпических сюжетах повторяются: «возвращение, вызволение, свадьба, взятие города — это одна и та же песня в разных обличьях! И речь при этом идет не о второстепенной схеме, не о незначительном эпизоде, а фактически об основной сюжетной линии» [Лорд 1994: 140]. К данным темам присоединяются и другие, как, например, тема собрания, но все они повторяются во многих сказаниях.

Так как «Сказитель» — книга о Гомере, легендарному рапсоду посвящена значительная часть труда А.Б. Лорда. Он считает, что Гомер был истинным сказителем, который не умел читать и писать, а «Илиада» и «Одиссея» были записаны с его слов под диктовку, «яркость описания и непосредственное воздействие его поэм тем и обусловлены, что он устный поэт» [Лорд 1994: 166]. Пэрри и Лорд сами убедились: если есть заинтересованные слушатели, талантливый певец может в процессе пения сочинять песни большого объема. По их мнению, именно так создавались величайшие эпические сказания. Отсюда и пошло название «устной» теории Пэрри-Лорда. Эта теория происхождения эпоса популярна среди американских ученых.

Лорд — страстный поклонник устной традиции, поэтому характерно его отношение к письменности: «Когда письменность возникла, эпические певцы, даже опять-таки самые блестящие, не осознали ее «возможностей» и не кинулись овладевать ею. Видимо, они были мудрее нас, потому что песнь написать нельзя. Нельзя пленить Протея: связать его — значит погубить»; «Мы принимаем как само собой разумеющееся, что письменный стиль всегда, с самого начала, выше устного. Это — ошибка, сделанная уже на стадии наблюдения, ошибка, которую — увы! — постоянно совершают ученые, пожертвовавшие опытом ради теоретических построений» [Лорд 1994: 142, 153]. Лорд доказывает, что устный эпос живет в другом масштабе, несравненно более великом, чем письменный. Устный текст создается сказителем в момент исполнения. Сказители из поколения в поколение передают одни и те же темы примерно одинаковыми формулами в ритмической схеме элементов песни, они передают вечные истины традиционными приемами своих отцов и учителей, которую впитали в себя из первых уст. В заключении к книге Лорд пишет: «Когда мы знаем, как построена песня, мы видим также, что кирпичи, из которых она сложена, не могут не быть очень древними. Ибо в самой природе традиции заложено стремление к стабильности, к самосохранению. Эта стойкость проистекает не из упрямства, не из абстрактного принципа абсолютного искусства, но из непоколебимого убеждения, что традиция сохраняет самые средства поддержания жизни и достижения счастья. Традиционный устный эпический певец не

художник, он — провидец. Унаследованные им мыслительные структуры появились, чтобы служить не искусству, а религии в самом первичном ее смысле» [Лорд 1994: 247—248]. Устным песням присуща одновременно изменчивость и стабильность, потому что они живые. Письменный текст — застывший. Лорд четко подразделяет тексты на устные и авторские письменные.

Уже после смерти ученого Мэри Луиз Лорд издала неопубликованные статьи мужа в книге «The Singer Resumes the Tale» [Lord 1995]. В ней детально разбираются тексты некоторых европейских эпических сказаний и баллад, целая глава посвящена «переходным» текстам [Lord 1995: 212—237], то есть текстам, записанным у сказителей собирателями фольклора, обработанным и изданным в «облагороженном» виде, или текстам, записанным самими сказителями, выучившимися грамоте. Как только эпос записан, он начинает жить по другим законам и решать не только задачи эпоса устного, но и задачи письменного эпоса, поставленные автором в конкретном историческом времени. В этой же главе Лорд пишет: «Националистический угар XIX века привел к тому, что устный эпос стал использоваться в целях националистической пропаганды. Поэмы воспевают героев прошлого, отражают борьбу нации против внешних врагов. Таким образом, герой превратился в «национального» героя, а сами произведения стали называться «национальным эпосом» [Лорд 1994: 18]. Лорд вообще не использует слов «национальный» и «народный» применительно к эпосу, так как считает, что эпос существовал не только в простонародной среде и к национальности имеет малое отношение.

Особый интерес для нас представляют исследования Лорда по финскому эпосу «Калевала», составленному Э.Лённротом. В «Сказителе» Лорд упоминает «Калевалу», рассматривая историю эпосоведения и теории, связанные с авторством Гомера. По одной из теорий, песни Гомера (в устном исполнении) запоминали сказители с феноменальной памятью, по другой — Гомер был единственным автором, который записал свои тексты, третья говорит о множестве авторов. В одном из разветвлений последней теории гомеровские поэмы рассматривались «как свод кратких песен, сшитых воедино их составителем». ... В результате следования данной теории «воз-

никло несколько ценных сводов. Лённрот составил финскую «Калевалу», эстонцы включились в состязание со своим «Калевипоэгом», сербы тоже попытались составить ряд «эпопей» о Косовской битве. Но ничего сопоставимого с Гомером не получилось. Вопрос о том, каким образом гомеровские поэмы достигли таких размеров, если они не были плодом литературного творчества одного автора, остался неразрешенным» [Лорд 1994: 22].

Альберт Лорд рассматривает «Калевалу» и в других своих работах. Во вступительной статье к «Калевале» в переводе Кита Бостли он объясняет свое увлечение «Калевалой» еще со студенческих лет тем, что в ней присутствуют единственные в своем роде темы и исключительная атмосфера: «Ключи к пониманию «Калевалы» — сила слова, сила заклинания и сила рассказа. Ее герои — мастера слова и чудотворцы» [Lord 1989: XII]. С 1950-х годов Лорд включил «Калевалу» в свой курс по сравнительному эпосоведению, обращая особое внимание студентов на то, что Лённрот не только собрал традиционные песни (что было подвижническим трудом в то время), но и сложил огромный эпос. Ученого особенно интересовал процесс перехода финской народной поэзии из мифа в литературный эпос, сложенный в середине XIX в. Разобраться в закономерностях этого перехода ему помогли исследования по финской народной поэзии Доменико Компаретти, Мартти Хаавио и Матти Кууси, а также Э. Лённрота: существует великое множество вариантов песен, из которых он был составлен, и три варианта самой «Калевалы» [Lord 1989: VI–X].

В статье «The Kalevala, South Slavic Epics, and Homer» [Lord 1991: 105–132] А. Лорд проводит сравнительный анализ «Калевалы», южнославянских сказаний и поэм Гомера. «В этой статье я хочу, во-первых, обсудить различные виды взаимоотношений между тремя эпическими традициями, названными в заголовке; во-вторых, технику композиции и передачи в трех традициях: финской, южнославянской и древней греческой; и в-третьих, некоторые общие для эпосов сюжеты и характер повествования в трех составляющих исследования» [Lord 1991: 105]. Приведем еще одно положение из этой работы А. Лорда: «То, что создал Лённрот, было, по крайней мере в одном аспекте, ближе к древнеис-

ландским «Эддам», чем к гомеровским поэмам, потому что отдельные стихи, из которых была сделана «Калевала», видны в конечном результате. Лённроту, впрочем, удалось создать «национальный эпос» для финнов, который до этого не существовал. Он, разумеется, не осознавал, что «Илиада» и «Одиссея» на самом деле не были «национальными эпосами» для древних греков, так же как и «Старшая Эдда» не была «национальным эпосом» для исландцев.

Хотя все или почти все ее составляющие были устными традиционными песнями, сама «Калевала» таковой не является. Доменико Компаретти говорил об этом в 1898 г. в своей замечательной книге «Традиционная поэзия финнов»: То, что вся популярная, традиционная поэзия, живущая и воспроизводящаяся веками, должна обеспечить материалом одну единственную поэму, — явление странное и неестественное» [Lord 1991: 105–106]

Далее Лорд показывает различия в жанрах традиционной поэзии и поэмы Лённрота. Устный сказитель свято сохранял традицию. Несмотря на то, что песни не передавались в неизменной форме, так как певцы не заучивали их, а пели их строго зафиксированными формулами в рамках определенных тем и жанров, сущность этих песен не менялась. Лённрот не следует традиции, а создает авторский текст на ее материале. Лорд сравнивает «Калевалу», южнославянские песни и поэмы Гомера по величине — они примерно одинаковые, с большой протяженностью исполнения. Но по композиции они сильно отличаются. Гомер и Авдо Меджедович были истинными певцами, которые пели традиционные песни и удлинили их за счет «украшений», за счет мастерского использования формул и тем. Традиционный певец «не сшивал песни вместе, чтобы создать «монументальные» песни, а сочинял их в манере живой традиции, такой, как у славян, например, и при случае «смешивал» песни, для того чтобы создать другие, часто осторожно унифицированные песни. Это иной, отличный от лённротовского при составлении «Калевалы», процесс, который еще не был в достаточной мере описан» [Lord 1991: 110]. «При составлении «Калевалы» Лённрот добивался длины различными способами. Самым поразительным было включение ритуальных песен, например, заклинаний и песен свадебного цикла. Такой вид расширения

объема отсутствует в южнославянских и гомеровских песнях» [Lord 1991: 110]. «В «Калевале» Лённрот иногда вставляет отдельные сюжеты, к примеру, трагический о Куллерво, таким образом прерывая течение повествования» [Lord 1991: 111].

«Короткие финские песни, даже повествовательные, более сравнимы с южнославянскими «женскими песнями», чем с южнославянскими эпическими. Это особенно касается финских лирических и ритуальных песен...» [Lord 1991: 110]. Здесь Лорд приводит несколько страниц с примерами из текста эпоса. Во всех трех сравниваемых типах эпоса используется внутренний прием расширения текста путем введения деталей и описаний.

Далее Лорд рассматривает метод композиции песен «Калевалы», сопоставляя варианты песен, из которых она составлена, с вариантами южнославянских песен. Это метод повтора словосочетаний, строки, строк или целых куплетов. Именно эти повторы остаются почти неизменными во всех вариантах, в них содержится основной смысл темы, что одинаково верно как для песен «Калевалы», так и песен южнославянских, то же наблюдается в песнях Гомера (хотя до нас не дошли варианты гомеровских песен). Результаты наблюдений исследователя говорят о том, что песни «Калевалы» близки к традиционным.

Лорд анализирует основные схематические темы повествования. В «Калевале» темы добывания жены и похищения Сампо, то есть два похищения, — типичные темы традиционных песен, но схема развития темы в «Калевале» сильно отклоняется от традиционных. Вьяйнямёйнен и Илмаринен выступают в роли брошенных женихов, а удачливый жених Лемминкайнен жену умыкает. Здесь три главных героя поставлены в «негероические» ситуации, что нехарактерно для традиционных песен.

«Главное различие между финской традицией, славянских Балкан и древнегреческой — это существование и сила шаманизма в «Калевале» и в вариантах песен, которые легли в ее основу. Героизм посредством магических заклинаний, а не мечей и копий, придает «Калевале» особую атмосферу, захватывающе и увлекательно проникнуть в этот странный мир... Призрачная трагическая красота «Калевалы» несравнима ни с какой другой традицией. При этом Лённрот выразил в ней то же чувство личной

человеческой потери, которое находим в «Илиаде». «Калевала» также разделяет с ней чувство окончательного примирения с реальностью, которое символизировано тем фактом, что люди могут обладать только частями Сампо, хотя, как это ни парадоксально, они были достаточно умны, чтобы создать Сампо» [Lord 1991: 131].

Русскоязычный читатель-филолог знаком с концепцией А. Лорда по его книге «Сказитель». В аспектах генезиса теории Пэрри-Лорда и его методологического значения уместно будет сослаться на классика российской фольклористики Б.Н. Путилова, который в послесловии к «Сказителю» отмечает, что американские ученые почти не были знакомы с трудами русских эпосоведов, у Лорда есть ссылки только на В.М. Жирмунского (Лорд это осознавал и пытался изменить ситуацию, к чему мы еще вернемся): «При всем при том мы вправе рассматривать теорию Пэрри-Лорда в общем русле изучения феномена сказительства, наиболее мощные импульсы которому даны именно русской школой» [Лорд 1994: 330]. По мнению Б.Н. Путилова, М. Пэрри и А. Лорд «на материале сербскохорватской эпики строят обобщения для эпического творчества вообще — без национальных и временных ограничений» [Лорд 1994: 332]. Важен как частный вывод российского ученого: «Творческая разработка идей теории Пэрри-Лорда и применение их к конкретному материалу достигли наиболее ощутимых результатов в сфере книжного эпоса» [Лорд 1994: 337], — так и выводы генерального характера: «Творческие возможности теории Пэрри-Лорда далеко еще не исчерпаны. Ее приложение как к живым эпическим традициям, так и к памятникам книжного эпоса доказало и продолжает доказывать свою продуктивность, особенно когда исследователи не просто следуют основным ее идеям, но и критически проверяют их и заново пересматривают круг предложенных проблем и методических принципов» [Лорд 1994: 339].

В 1981 г. вышел сборник «Устная традиционная литература», объединивший труды американских ученых, последователей теории и методологии Пэрри-Лорда, по традиционным и письменным произведениям эпоса и литературы. Он был посвящен 70-летию Альберта Бейтса Лорда. Приводим посвящение в нашем переводе: «С великим удовольствием посвящаем этот

том Альберту Лорду в знак благодарной признательности за его монументальный вклад в исследования устной литературы и искреннего признания его личного примера благородства и гуманности в академической профессии. Собрав эти статьи в юбилейное издание, мы пользуемся редкой возможностью в истории литературы — чувствовать не только величайшего теоретика или плодотворного критика, а, скорее, истинного основоположника. Насколько значимы для устной теории были первые, смелые и блистательные шаги Милмана Пэрри, настолько же ясный взгляд, терпение и блистательные исследования Альберта Лорда создали и определили науку устной литературы. Эта книга или все, что есть в ней ценного, — связаны с ним, и мы надеемся, что она ему понравится [Oral Traditional Literature 1981: 7]. Ознакомившись лишь с десятком работ А. Лорда, видишь, насколько заслужены им почтительные и хвалебные слова. Взять хотя бы сборник «Slavic Folklore. A Symposium» [Slavic Folklore 1956: VII] под редакцией А. Лорда с его, по обыкновению краткой, вступительной статьей. Из нее видно, что ведущий ученый в послевоенные годы не только вдохновляет и объединяет американских славистов, но и пытается приобщить европейских славянских фольклористов к совместной научной работе. Он пишет: «Наши возможности в этой обширной и значительной отрасли всеобщего знания уже огромны и быстро увеличиваются. Мы только начинаем ощущать нашу силу.

Тем не менее, к великому сожалению, в это издание не вошли статьи из-за границы. (Одна. — О.И.) Хотя работы за рубежом, опубликованные на разных языках, известны специалистам, компетентным в этих языках, они заслуживают более обширной аудитории. Одна из реальных услуг, которую мы можем оказать, — сделать эти работы доступными на английском» [Slavic Folklore 1956: 7].

В заключение предоставим слово самому Альберту Бейтсу Лорду. Во вступительной статье к сборнику русских народных сказок он точно подмечает впечатление производимое им на читателя: очарованные их красотой, мудростью и загадочностью, вы возвращаетесь к ним снова и снова. В какое-то время вам кажется, что все они очень похожи, а в другое — уже непохожи. «И когда, наконец, вы вскине-

те руки вверх и скажете, что не можете отличить одну сказку от другой, тогда вы достигли момента понимания русской устной сказительской традиции. И вы к тому же добились понимания одного из основных принципов всей устной традиционной, иногда называемой «народной», литературы» [Russian Folk Tales 1970: 20].

Литература

- Лорд А. Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. Послесл. Б. Н. Путилова. Статьи А. И. Зайцева, Ю. А. Клейнера. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1994. 368 с.
- Lord Albert B.* Epic Singers and Oral Tradition / Albert B. Lord // *The Kalevala*, South Slavic Epics, and Homer. Ithaca and London: Cornell University Press. 1991. P. 105–132.
- Lord Albert B.* The Singer of Tales. Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts; London, England. 2000. 307 p.
- Lord Albert B.* The Singer Resumes the Tale. Ed. Mary Louise Lord. Cornell University Press: Itaca and London. 1995. 258 p.
- Lord Albert B.* Avdo Mededović, Guslar // *Slavic Folklore. A Symposium. Vol. 6. Bibliographical and Special Series. American Folklore Society. Ed. Albert Bates Lord. Philadelphia. The William Byrd Press, Inc.: Richmond, Virginia. 1956. P. 122–132.*
- Lord Albert B.* Foreword // *Elias Lönnrot. The Kalevala. Transl. Keith Bosley. Oxford University Press: Oxford, New York. 1989. P. VI–X.*
- Oral Tradition in Literature: Interpretation in Context. Ed. J. M. Foley/ A. B. Lord // The Merging of Two Worlds: Oral and Written Poetry as Carriers of Ancient Values. University of Missouri Press: Columbia, 1986. P. 19–65.*
- Oral Traditional Literature: A Festschrift For Albert Lord. Ed. John Miles Foley. 1981. Slavica Publishers, Inc. 461 p.*
- Russian Folk Tales. Selected and Edited by Albert B. Lord. Printed for the Members of the Limited Editions Club: New York. 1970. 196 p.*
- Slavic Folklore. A Symposium. Volume 6. Bibliographical and Special Series. American Folklore Society. Philadelphia. Ed. Albert Bates Lord. The William Byrd Press, Inc.: Richmond, Virginia. 1956. 132 p.*